

УДК: 165.0

DOI: 10.15372/PS20250303

EDN: GIJUNG

О.А. Козырева

КОНТЕКСТУАЛИЗМ И ПЕРСПЕКТИВА ПЕРВОГО ЛИЦА¹

Статья посвящена критике широко распространённой в аналитической философии идеи о том, что местоимение первого лица единственного числа «я» является уникальным способом языкового выражения перспективы первого лица в силу наличия прямой связи между осведомлённостью индивида о самом себе и его готовностью указывать на себя с помощью этого местоимения. В первой части статьи даётся общее представление о проблематике перспективы первого лица в аспекте её языкового выражения, а именно – проблеме когнитивной значимости индексикалов и проблеме объяснения неоднозначного прочтения предложений с косвенной речью о нахождении индивида в пропозициональной установке (*de se* – *de re* прочтения). Отмечается, что многие сторонники критикуемой в данной статье идеи придерживаются так называемого «условия осведомлённости», а способ приобретения индивидом этой осведомлённости зачастую носит явно выраженный картезианский характер. Во второй части статьи демонстрируется, что в действительности в естественных языках встречается безличное использование местоимения «я», а выражать перспективу первого лица можно различными способами, вследствие чего идея об уникальности выражения этой перспективы с помощью местоимения «я» ошибочна. Факт отсутствия в естественных языках единого способа выражения перспективы первого лица предлагается объяснять зависимостью имеющихся способов выражения перспективы первого лица от контекста употребления в коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: перспектива первого лица, установки *de se*, семантика, философия языка, контекстуализм

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

О.А. Kozyreva

CONTEXTUALISM AND THE FIRST-PERSON PERSPECTIVE²

The article critically examines the prevalent idea in analytical philosophy that the first-person singular pronoun “I” uniquely expresses the first-person perspective because of a direct correlation between an individual’s self-awareness and her ability to refer to herself with this pronoun. First, I outline the general idea of the problem concerning the linguistic expression of the first-person perspective. My focus is primarily on the problem of the cognitive significance of indexicals as well as the problem of ambiguity between *de se* and *de re* readings of the sentences involving indirect speech about an individual’s propositional attitudes. Many advocates of the criticized idea implicitly subscribe to the so-called “awareness condition”, while their explanation of how an individual acquires such awareness has a strong Cartesian flavor. Second, I argue that natural languages do allow impersonal use of the personal pronoun “I” and have multiple ways to express the first-person perspective. Both these facts challenge the idea of the unique role the pronoun “I” has in language systems. I propose to explain the lack of a single way to express the first-person perspective by referring to the context-dependent nature of language. To put it differently, the ways of expressing the first-person perspective depend on the context of use in communicative situations.

Keywords: first-person perspective, *de se* attitudes, semantics, philosophy of language, contextualism

Проблема описания и объяснения перспективы первого лица в различных вариантах её формулировок имеет длительную историю в философии³. В данной статье я сосредоточусь только на одном из аспектов этой проблемы, а именно – на способах выражения перспективы первого лица, существующих в естественном языке. На первый взгляд может показаться, что это сугубо лингвистическая тема, исследование которой носит эмпирический характер и не имеет отно-

² The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Strategic Academic Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

³ В традиционном изложении истории западноевропейской философии возникновение этой проблематики чаще всего связывается с именем Р. Декарта и его утверждением «*Cogito Ergo Sum*».

нения к философской проблематике. Однако в рамках активно развивающейся дисциплины онтологии естественного языка интерес к данной теме является вполне философским: он обусловлен стремлением выяснить, какие метафизические интуиции отражаются в языковых способах выражения перспективы первого лица [27].

Я постараюсь показать, что в аналитической философии существует достаточно устойчивое представление о связи между перспективой первого лица и местоимением первого лица единственного числа «я». Следствием этого представления является наделение местоимения «я» дополнительной функцией: не только указывать на говорящего, но и передавать информацию о наличии у него осведомлённости о себе. Иными словами, предполагается, что только тот, кто осознаёт себя, может использовать «я» в своей речи. В качестве иллюстрации упомянутого выше представления будет представлено краткое обсуждение наиболее часто использующихся в аналитической философии пассажей авторства Г. Фреге и Дж. Перри, а в завершение будет показана ошибочность этого представления. Моя аргументация будет нацелена, прежде всего, на опровержение тезиса об уникальности выражения перспективы первого лица с помощью местоимения «я». Сначала я покажу, что в естественных языках имеется безличное использование «я», которое не связано с выражением перспективы первого лица, а затем, что в естественных языках существует множество вариантов того, как выразить перспективу первого лица. Отсутствие единого универсального способа выражения этой перспективы через использование «я», в свою очередь, может быть объяснено принципиальной контекстной зависимостью имеющих способов, то есть уместностью их употребления в том или ином коммуникативном контексте.

Уникальный способ выражения перспективы первого лица: местоимение «я»

Если неискущённому лингвистическими исследованиями человеку, чьим родным языком является русский, задать вопрос о том, как языковыми средствами можно осуществить референцию к самому себе (то есть указать на самого себя), то в качестве наиболее вероятного ответа будет фигурировать местоимение первого лица един-

ственного числа «я». Похожий ответ дадут, скорее всего, и многие пользователи других индоевропейских языков (английского, французского, немецкого и т.д.). Это удивительное единство в способе указания на самого себя приводило многих западноевропейских философов, склонных к признанию тесной взаимосвязи между языком и мышлением, к идее того, что семантика «я» не может сводиться только к тому факту, что это местоимение выступает кореференциальной заменой выражения «тот, кто сейчас говорит». Использование индивидом в речи этого местоимения начинает рассматриваться как языковой способ проявления перспективы первого лица. Если обратиться к истории существования английского языка⁴, то начиная с XVIII века отмечаются всё более частые случаи использования «я» для указания на самого себя не только как на говорящего (роль в коммуникативной ситуации), но и как на некоторую самость [36, p. 119], то есть «я» становится своего рода символической альтернативой этого имени существительного.

Показательной в этом отношении в философии является уже современная нам проблематика так называемой «существенной индексикальности» [30], иначе именуемая проблемой объяснения когнитивной значимости индексикалов [16]. По сути, она располагается на стыке двух областей исследования: метафизики (понятие самости) и лингвистики (местоимение «я»), и именно метафизические причины чаще всего приводятся в качестве обоснования несводимости значений предложений с индексикалом «я» к значениям предложений с кореференциальными ему терминами. Несмотря на то, что предложения «я пишу статью», высказанное мной в определённом контексте, и «Ольга Козырева пишет статью» сообщают одну и ту же информацию об одном и том же объекте и, следовательно, имеют одно и то же истинностное значение, многим кажется интуитивно очевидным, что именно обладание представлением о самой себе с позиции первого лица объясняет мою возможность использовать «я» для указания на саму себя.

⁴ Данных о похожей трансформации значения «я» в других упомянутых ранее языках мною встречено не было, однако с учётом того, что обсуждение проблемы перспективы первого лица в западноевропейской философии шло в едином ключе, вполне можно предположить, что к указанному периоду эта трансформация произошла и в них.

Со временем своё тематическое развитие та же самая проблематика получила при обсуждении неоднозначного прочтения предложений с косвенной речью, в которой сообщается о нахождении индивида в какой-либо пропозициональной установке с позиции третьего лица [14]. Например, Лев делает следующее высказывание обо мне: «Ольга убеждена, что она пишет статью». У этого высказывания с пропозициональной установкой убеждения возможно два прочтения: *de re* и *de se*. Первое прочтение предполагает, что у меня имеется мысль о некотором объекте (*res*), но по каким-то причинам отсутствует осведомлённость о тождестве между этим объектом и мной самой. Второе прочтение, напротив, предполагает, что осведомлённость об этом тождестве у меня имеется – я думаю о себе осознанно [3, с. 137] – и я в принципе готова выразить эту же мысль с помощью индексикала «я», то есть сделать высказывание «я пишу статью». Однако поскольку в высказывании обо мне от третьего лица – Льва – используется местоимение «она», однозначно приписываемый смысл осведомлённости, который, как считается, выражается при использовании говорящим в прямой речи «я», теряется.

На первый взгляд, кажется очевидным, что *de se* прочтения высказываний – это просто частный случай *de re* прочтений, где объект пропозициональной установки и агент пропозициональной установки находятся в отношении тождества (убеждения, выражающиеся в таких высказываниях, часто именуют саморефлексивными). В рамках такого представления сохраняется тождество содержания высказывания, сделанного с перспективы первого лица, и содержания, выражаемого в высказывании, сделанном с перспективы третьего лица⁵, что согласуется с одним из очевидных аспектов коммуникации между индивидами – передачи той же самой информации в косвенной речи.

Однако ряд исследователей настаивает на том, что *de se* прочтения высказываний не сводимы к их *de re* прочтениям. Потенциальная готовность индивида использовать местоимение «я» в высказывании о себе рассматривается в качестве доказательства того, что именно таким образом в естественном языке выражается пер-

⁵ Среди сторонников этого представления следует отметить О. Магидор [24], Э. Каппелена и Дж. Девера [13], С. Бёра и У. Ликана [10].

спектива первого лица и «я» указывает на наличествующую у каждого индивида самость. Наиболее распространённым ходом в аргументации в пользу упомянутой несводимости является принятие так называемого условия осведомлённости, согласно которому индивид использует местоимение первого лица единственного числа «я» для указания на самого себя тогда и только тогда, когда индивид непосредственно осведомлён о самом себе. Непосредственная осведомлённость понимается как отношение, в котором индивид находится только с самим собой. Это отношение в имплицитном виде начинает обсуждаться уже в период Нового времени, когда понятие субъективности конкретизируется через «способность различным образом находиться в отношении с самим собой, самой фундаментальной формой которой является осведомлённость или осознание своей самости. ...Способность определять свою самость в отношении действий и даже способность размышлять о своём прошлом предполагает, что мы каким-то образом осознаём свою самость» [33, р. 1].

Зачастую возможность такого особого эпистемического доступа к самому себе объясняется способностью индивида к интроспекции. Однако крайне редко кто-либо из аналитических философов проблематизирует эту способность при объяснении специфики *de se* прочтений: для многих из них утверждение об интроспекции, с помощью которой индивид приобретает осведомлённость о себе, является интуитивно очевидным и, как следствие, не требующим отдельного доказательства. Не пытаясь подробно проиллюстрировать эту тенденцию в аналитической философии, я тем не менее укажу на один из наиболее ярких примеров использования интроспекции для объяснения выражения перспективы первого лица. Так, указывая на семантическую неоднозначность местоимения «я», У. Дэвис полагает, что специфику убеждений *de se* можно объяснить с помощью понятия самого себя, содержанием которого и будет выступать интроспективная осведомлённость о самом себе: «“Я” означает “я”, потому что мы все используем “я” для выражения общего способа мыслить о самих себе. И каждый из нас использует “я” дейктическим образом для выражения мыслей, которые никто другой выразить не может. Субъективным понятием, встречающимся в этих мыслях, является понятие самого себя. Моё понятие самого себя не может мыслиться вами, потому что моя интроспективная осведомлённость обо мне

самом не может быть у вас. Ваше понятие самого себя не может мыслиться мной по той же самой причине. Как следствие, я не могу мыслить вас тем особым образом, каким я мыслю самого себя, или тем образом, каким мыслите себя вы» [17, р. 53].

Предлагаемое У. Дэвисом объяснение связи между использованием местоимения «я», понятием самого себя и интроспекцией не является принципиально новым. Во многом он продолжает развивать фрегеанскую традицию объяснения когнитивной значимости различных кореференциальных выражений, в которой вводится разграничение между референтом и смыслом языкового выражения, где последний понимается как определённый способ репрезентации референта.

В истории аналитической философии действительно принято обнаруживать истоки представления о несводимости *de se* прочтений высказываний с пропозициональными установками в работах Г. Фреге, где он утверждает, что мысль, выражаемая одним индивидом с помощью местоимения первого лица единственного числа, не может быть тождественна мысли, выражаемой другим индивидом с использованием того же местоимения, даже если все остальные языковые выражения в высказывании совпадают. Так, пропозициональное содержание высказывания «я читаю книгу», совершённого мной, отличается от пропозиционального содержания того же самого высказывания, но совершённого другим человеком, так как в первом случае «я» указывает именно на меня, а во втором — на этого другого человека⁶.

Высказывания с индексикалом «я», по всей видимости, тогда должны обладать особой спецификой, следствием которой становится идея о том, что смысл таких высказываний доступен для «схва-

⁶ В статье я не буду обсуждать вопрос о том, является ли проблема *de se* прочтений высказываний просто частным случаем классической загадки Г. Фреге (как утверждают уже упомянутые Э. Каппелен и Дж. Девер [13]) или же между ними имеются существенные отличия (как, например, считает Дж. Шай [31]). Несмотря на то, что ответ на этот вопрос во многом является основополагающим для обоснования области исследований, связанных с перспективой первого лица и субъективностью, для целей настоящей статьи его обсуждение не столь значимо в силу того, что большинство сторонников того представления, которое я пытаюсь критиковать, в неявном виде придерживаются именно второго из упомянутых вариантов.

тивания» только тому индивиду, который их совершает, то есть он является приватным и не может быть разделён другими индивидами⁷.

Однако интерес представляет не столько то, насколько адекватна такая позиция с точки зрения возможности коммуникации между индивидами, на первый взгляд, требующей публичности смыслов для их «схватывания», сколько то, как обосновывается заявляемая специфика высказываний с индексикалом «я». Для Г. Фреге таким обоснованием становится указание на то особое отношение, в котором каждый индивид находится с самим собой. В подтверждение этой идеи обычно цитируется следующий пассаж: «Каждый человек дан самому себе некоторым особым и изначальным способом, каким он не дан никому другому. Если при теперешних обстоятельствах д-р Лаубен думает, что он ранен, то он кладет в основу этой мысли, вероятно, тот особый способ, каким он дан самому себе. И определяемые этим мысли в состоянии постичь только сам д-р Лаубен. Но вот он хочет передать другим некое сообщение. Мысль, которую может понять только он один, передать невозможно. И поэтому, если при теперешних обстоятельствах он говорит: “Я был ранен”, то он принужден употребить слово “я” в таком смысле, который будет понятен другим, – скажем, в смысле “тот, кто в данный момент говорит с вами”, используя при выражении своей мысли внешние обстоятельства своей речи». [9, с. 332].

Сам Г. Фреге не развивает подробно идею о том, что это за особый способ, которым каждый индивид дан самому себе, но вполне естественно предположить, что таким способом или отношением является картезианская⁸ в своих истоках идея о внутренней осведомлённости индивида о самом себе, то есть то самое условие осведомлённости, которое было сформулировано ранее: только при его соблюдении индивид способен использовать «я» в своём высказывании, а передача этого же смысла в высказывании, сделанным третьим

⁷ Неудивительно, что У. Дэвис, будучи продолжателем фрегеанской традиции, использует почти те же самые термины, что и Г. Фреге.

⁸ Понятие картезианства я обычно использую для обозначения не философских взглядов самого Р. Декарта и некоторых его последователей, а обобщённого широко распространённого представления, сложившегося в среде аналитических философов, о том, какими были эти взгляды.

лицом хоть с прямой, хоть с косвенной речью, невозможна в силу невозможности соблюсти им упомянутое условие.

Может показаться странным, что прояснение позиции Г. Фреге осуществляется через использование нехарактерного для него категориального аппарата картезианства. Согласно наиболее стандартной интерпретации его исследований, предложенной М. Даммитом, между Г. Фреге и антикартезианством, напротив, следовало бы поставить знак равенства [18, р. 666–669].

Однако стоит отметить, что сближение фрегеанства и картезианства не столь уж редкое явление в аналитической философии. Одним из явных примеров, демонстрирующих такое сближение, является позиция Х. Веттштайна, который отмечает, что в контексте проблемы взаимоотношения мышления и языка у Г. Фреге и картезианства имеется много общего [35, р. 63]. Во-первых, Г. Фреге также, как и Р. Декарт придерживался тезиса об эпистемологическом и онтологическом приоритете мысли над языком. Это выражалось в том, что основной задачей философского исследования Г. Фреге видел скорее анализ структур мышления, которое понималось им не как индивидуальный психологический процесс, а как совокупность независимо существующих абстрактных объектов, мыслей, нежели языка. Во-вторых, взгляды Г. Фреге на саму природу языка близки индивидуалистическим концепциям, в которых референция объясняется посредством обращения к индивидуальному акту схватывания значения слова агентом, а не посредством обращения к функционированию слова в публичном пространстве языка.

Картезианская концепция ментального, с точки зрения Х. Веттштайна, сводится к тому, что психика индивида представляет собой своего рода репозиторий репрезентаций внешнего мира, и слова приобретают своё значение благодаря связи не с объектами внешнего мира, а с этими внутренними репрезентациями индивида. Сторонники лингвистического картезианства, как их именует Х. Веттштайн, поддерживают идею о том, что для осуществления референции к объекту индивид должен вступить с ним в определённый когнитивный контакт, суть которого заключается в использовании индивидом понятий. То же самое, по мнению Х. Веттштайна, происходит и у Г. Фреге, для которого невозможно представить понятийно неопосредованную, прямую, референцию: «У Фреге существует область внутренне присущих значимых репрезентаций, отличных от репре-

зентируемых вещей и доступных для психики (даже пусть и не находящихся в ней); языковые выражения появляются тогда, когда их ассоциируют с этими репрезентациями. Фрегеанские смыслы – а не их языковые воплощения – указывают на объекты в первую очередь. Связь между словами и вещами, таким образом, производна от связи между концептуальными репрезентациями и вещами, которые они репрезентируют» [35, р. 65].

В качестве ещё одной стандартной иллюстрации несводимости *de se* прочтений высказываний с пропозициональными установками приводят историю о рассыпавшем сахар в супермаркете покупателе, предложенную Дж. Перри: «Однажды я шёл по следам рассыпанного на полу супермаркета сахара, толкая свою тележку между рядами в поисках покупателя с порванным пакетом сахара, чтобы сказать ему, что он пачкает пол. С каждым поворотом следы становились всё менее заметными. Но я никак не мог найти этого покупателя. Наконец, меня осенило. Я был тем самым покупателем, которого пытался найти <...> Изначально я был убеждён, что покупатель с порванным пакетом сахара пачкал пол. И я был прав. Но я не был убеждён в том, что тем, кто пачкал пол, был я. По всей видимости, это то, в чём я убедился со временем. И когда я, наконец, в этом убедился, я перестал идти по следам рассыпанного сахара и поправил свой порванный пакет» [30, р. 3].

Этот пример задумывался Дж. Перри для того, чтобы продемонстрировать разницу между двумя убеждениями: убеждением в том, что покупатель с порванным пакетом сахара пачкает пол, которое можно выразить как «он пачкает пол» или «покупатель с порванным пакетом сахара пачкает пол», и убеждением в том, что это именно он – Дж. Перри – пачкает пол, и которое Дж. Перри мог выразить как «я пачкаю пол». Именно появление у Дж. Перри второго убеждения способно объяснить, почему его поведение в супермаркете внезапно изменилось. До тех пор пока Дж. Перри был уверен в том, что покупателем, пачкающим пол, выступает кто-то другой, его поведенческая стратегия была одной, как только он осознал, что этим покупателем является он сам, его поведенческая стратегия стала иной: он перестал идти по следам рассыпанного сахара и поправил свой пакет сахара в тележке.

Казалось бы логичным, что изменение поведения Дж. Перри можно объяснить вполне стандартно в рамках теории прямой референции,

сказав, что оно связано с тем, что объектом убеждения Дж. Перри стала выступать новая пропозиция и, таким образом, само убеждение изменилось, приведя впоследствии и к изменению в его действиях. Однако в истории с пачкающим пол покупателем изменения в содержании убеждения не происходит: пропозиция, в которой Дж. Перри был убеждён сначала, и пропозиция, в которой он стал убеждён потом, на самом деле является одной и той же сингулярной пропозицией – «Джон Перри пачкает пол». Таким образом, замена корreferенциальных терминов влечёт за собой изменение в содержании убеждений, которое теория прямой референции «схватить» не в состоянии. В соответствии с этим делается вывод о том, что убеждения от первого лица, выражаемые с помощью местоимения «я», обладают особой объяснительной силой, а само местоимение не может быть элиминировано из естественного языка⁹: «По всей видимости, местоимения первого лица занимают уникальное место среди языковых выражений, поскольку в их конвенциональную семантику “вшита” сила говорящего совершать приписывания самому себе» [34, р. 342].

Позиция Дж. Перри так же, как и позиция Г. Фреге ведёт к признанию идеи того, что смысл высказываний о себе, в которых используется местоимение «я», не доступен никому другому, кроме того, кто это высказывание совершил. Сам Дж. Перри вполне осознавал это следствие и назвал проблему, возникающую в результате признания этой идеи, проблемой ограниченной доступности вслед за предложенным им понятием «пропозиций ограниченной доступности». Последнее он использовал для указания на класс таких пропозиций, «которые могут быть выражены только в особых обстоятельствах» [30, р. 16]. Дж. Перри настаивает на том, что признание существования таких пропозиций – это неизбежное следствие классического представления о способе индивидуации убеждений: различие в пропозициях, в которых убеждены агенты, влечет за собой различие в их состояниях убеждения. Сложности с пропозициями ограниченной доступности возникают лишь тогда, когда необходимо

⁹ Схожим образом на объяснительной силе высказываний об убеждениях с использованием индексикальных выражений настаивал и Д. Каплан: «Если я вижу в окне отражение человека, на котором горят брюки, то моё поведение зависит от того, думаю ли я, что “на нём горят брюки”, или же что “на мне горят брюки”, хотя объект мысли может быть одним и тем же» [23, р. 533].

объяснить возможность коммуникации между индивидами, предполагающую возможность говорящего передать ту же самую мысль слушающему. В отношении своей позиции Дж. Перри считает имеющуюся в ней ограниченную доступность пропозиций «метафизически доброкачественной» [30, р. 19], поскольку ограничения накладываются не на доступ к пропозициям и к состоянию убеждения вообще, а на доступ к связке состояния и пропозиции: «Кто угодно в любой момент времени может иметь доступ к любой пропозиции. Но не каким угодно способом» [30, р. 19].

Несмотря на то, что в статье о существенных индексикалах, где впервые приводится эта история с рассыпавшим сахар покупателем, не обосновывается, в силу чего местоимение «я» уникальным образом выражает перспективу первого лица, со временем для этого обоснования в работах Дж. Перри появляется «понятие себя» (self-notion). Поскольку он разделяет идею о том, что знание референта выражения выступает «семантическим основанием» для использования этого выражения [12, р. 209], то формулировка индивидом высказываний о себе с использованием «я» предполагает, что в убеждениях индивида о самом себе с необходимостью присутствует единичное понятие этого индивида о себе: «Обычно всё, что мы знаем о самих себе, объединяется вокруг особого рода идеи или понятия самого себя, которое мы высказываем с помощью “я”. Хотя моё восприятие того, что передо мной стоит пиво, может и не требовать репрезентации меня самого, информация, которую я непосредственно приобретаю, объединяется в знание обо мне самом (self-attached knowledge), которое я могу высказать как “я вижу пиво” или “передо мной стоит пиво”» [29]. Содержанием такого понятия становится совокупность информации о самом себе, которая приобретается разного рода методами: от восприятия и проприоцепции до интроспекции (для ментальных состояний).

Многообразие способов выражения перспективы первого лица

В предыдущей части статьи я попыталась продемонстрировать, что в аналитической философии действительно распространено представление о том, что перспектива первого лица выражается с по-

мощью местоимения первого лица единственного числа «я», и его неустранимость из естественного языка обусловлена принципиальной неустранимостью перспективы первого лица.

Это представление на самом деле не соответствует действительности, так как, во-первых, естественные языки располагают различными средствами, позволяющими указывать на самого себя, а, во-вторых, с помощью местоимения «я» можно выражать не только перспективу первого лица¹⁰. Для иллюстрации этого утверждения я сначала продемонстрирую, что существует безличное использование «я», не связанное с выражением перспективы первого лица, а затем представлю краткий обзор возможных вариантов выражения перспективы первого лица без использования «я», которые являются как семантически, так и прагматически приемлемыми в различных коммуникативных ситуациях.

Итак, несмотря на то, что тезис об автоматической референции «я», благодаря которому это местоимение часто именуют «чистым» индексикалом, кажется необходимо истинным, лингвистические исследования показывают, что естественные языки допускают безличное использование «я». С. Цобель предлагает именовать личные местоимения, используемые не для указания на говорящего и слушающего (как то изначально предполагает их стандартная семантика), «безлично интерпретируемыми личными местоимениями» [37, р. 2]. Несмотря на то, что она признаёт, что кросс-лингвистические исследования не дают оснований утверждать о большой частотности такого использования местоимения «я» по сравнению с тем же местоимением «ты», тем не менее она демонстрирует, что, по крайней мере

¹⁰ Пока я оставляю без обсуждения вопрос, насколько адекватной является сама позиция, согласно которой перспектива первого лица и связанное с ней понятие самости предшествуют языковым формам их выражения. Критика этой позиции предполагает наличие аргументов в пользу обратного тезиса, согласно которому именно языковые варианты указания на самого себя конституируют понятие самости, тем самым переводя его из психологической или метафизической плоскостей в плоскость лингвистическую [20]. Выбор одной из этих позиций влечёт за собой необходимость обсуждения проблематики лингвистической относительности, что требует проведения отдельного исследования и не входит в задачи настоящей статьи.

в немецком языке, местоимение первого лица единственного числа «Ich» может иметь такое безличное прочтение:

(0) «**Ich** kann doch als Brautpaar nicht von meinen Gästen erwarten, dass sie mir quasi die Feier finanzieren» («a bridal couple can't expect their guests to more or less pay for the party» – «молодожёны не могут ожидать от своих гостей, что те так или иначе заплатят за вечеринку») [37, p. 1].

На первый взгляд, в переводе с немецкого должно фигурировать местоимение «я», так как в оригинальном высказывании стоит «Ich». Однако С. Цобель утверждает, что это было бы семантически неверно, а потому в англоязычной версии она «передаёт» функцию подлежащего нарицательному имени «молодожёны», которое в оригинале находилось внутри сравнительной «как»-конструкции («als Brautpaar»). Фактически (0) должно интерпретироваться как общее высказывание о подмножестве молодожёнов, где «Ich» используется в безличном смысле, обозначающем множество всех людей. Позднее С. Цобель говорит о том, что здесь как раз используется обобщающий модальный оператор GEN, который во взаимодействии со сравнительной «как»-конструкцией и позволяет получить в (0) безличное прочтение личного местоимения [38]. Помимо сравнительных конструкций безличные прочтения личных местоимений (включая местоимение «ты») возникают при наличии в высказывании дискурсивных маркёров типа «ja» («да»), «doch» («однако»), а также модальных и кондициональных выражений [37, p. 32].

Теперь перейдём к запланированному ранее обзору способов выражения перспективы первого лица, существующих в разных естественных языках.

Во-первых, в индоевропейских языках для осуществления функции референции к самому себе могут использоваться безличные местоимения (английское «one», немецкое «man» и др.), то есть если ранее я приводила в пример безличное использование личных местоимений, то теперь речь пойдёт о личном использовании безличных местоимений. Так, преимущественно в британском варианте английского языка обобщённое местоимение «one» в некоторых контекстах выражает именно перспективу первого лица или, как говорит Ф. Мольтманн, используется для обобщающей отделённой референции к самому себе (generalizing detached self-reference) [25]. Например, в высказывании

(1) «**One** can see the picture from the entrance» («картину можно увидеть со входа») безличное «one» указывает одновременно как на всех человеческих индивидов, так и на самого агента высказывания, выражая тем самым его непосредственный опыт восприятия некоторого объекта. Ф. Мольтманн предлагает «прочитывать» подобного рода высказывания как такие, в которых агент приписывает некоторое свойство, которым обладают все индивиды релевантного ситуации домена, «как будто бы себе», то есть проецирует – или симулирует – свой опыт на каждого из этих индивидов [26].

Во-вторых, для указания на самого себя и выражения перспективы первого лица могут использоваться как имена нарицательные, так и имена собственные. Например, К. Яшчоульт приводит два примера высказываний, в которых использование этих классов выражений является более распространённым и приемлемым, нежели местоимений [21, p. 155]:

(2) «**Мама** возьмёт тебя на ручки через минуту» (при обращении к плачущему маленькому ребёнку);

(3) «**Томми** хочет молока» (при обращении маленького ребёнка к маме).

В обоих примерах функцию референции к самому себе выполняет не местоимение «я», однако у компетентных пользователей языка¹¹ – и непосредственных участников этих коммуникативных ситуаций, и читателей настоящей статьи – не возникает проблем с определением того, на кого в действительности указывают выражения «мама» и «Томми», и чья перспектива действительно выражается в (2) и (3), несмотря на то что грамматически используется третье лицо.

Обычно в случаях, приведённых выше, говорят о классе выражений, который получил название личных импостеров (от англ. «imposter», что значит «самозванец»). Такое название отчасти отражает происходящее у этих выражений несовпадение между их изначально предполагаемой денотацией и их актуальной референцией в высказывании. Импостерами чаще всего являются детерминированные группы (DP), которые грамматически согласуются с глаголами

¹¹ Эти примеры не специфичны только для английского языка; подобные высказывания в коммуникативных ситуациях между родителями и детьми встречаются во многих языковых сообществах, в том числе и в русскоговорящих.

в третьем лице, хотя их референтом выступает говорящий или слушающий, что предполагает согласование с глаголами в первом и втором лицах соответственно [15, р. 2]. К. Коллинс и П.М. Постал предполагают, что в английском языке за минимальным исключением практически любая детерминированная группа с определённым артиклем, денотатом которой выступает человек, может функционировать как импостер [15, р. 6]. Они анализируют множество примеров высказываний с импостерами, из которых можно привести в пример пару релевантных теме настоящей статьи высказываний:

(4) **«Ваш покорный слуга** находит время до нашей следующей встречи чрезвычайно долгим».

(5) **«Данный рецензент** не сумел строго следовать логике рукописи».

В этих примерах «ваш покорный слуга» и «данный рецензент» заменяют собой местоимение «я», однако так же, как и в случае ранее приведённых примеров К. Яшчоульт, компетентные пользователи языка вполне успешно справляются с определением референтов использованных в (4) и (5) импостеров.

В качестве ещё одного примера, иллюстрирующего, что импостеры успешно применяются пользователями разных языков для референции к самим себе, выступают высказывания, сделанные в рамках судебного дискурса. Несмотря на то, что решение по делу принимается обычно одним человеком – судьёй – при оглашении своего решения он указывает на себя не при помощи местоимения «я» и даже не демонстративных дескрипций типа «данный судья», а с помощью нарицательного имени «суд»:

(6) **«Суд** считает, что данная норма права не подлежит применению при рассмотрении настоящего спора».

В-третьих, развенчанию идеи уникальности местоимения «я» для выражения перспективы первого лица помогает феномен гоноративов (honorifics). Обычно под этим термином понимаются формы языкового выражения, которые используются для передачи вежливого отношения, уважения, почтения говорящего к слушающему или к иному третьему лицу. Наиболее часто о гоноративных системах говорят в связи с обсуждением азиатских языков, в частности японского, корейского и тайского языков [32], где «через добавление окончаний глаголов, префиксов и грамматических частиц пользователи

обоих языков способны систематическим образом передавать, в каких социальных отношениях они находятся с адресатом и/или референтами выражений предложения» [11, р. 369]. Помимо морфосинтаксических изменений возможно также и существование в языках отдельных лексических единиц. В рамках данной статьи наибольший интерес представляют, конечно же, те гоноративы, которые связаны с местоимением «я».

Так, К. Яшчоульт отмечает, что возникновение в японском языке по разным подсчётам от пятидесяти одной до ста шестидесяти форм местоимения «я» связано именно с развитой гоноративной системой, существующей в этом языке [21, р. 159]. Многие из этих форм представляют собой выражения с так называемым уничижительным оттенком – «королевский раб», «слуга Будды», «маленький человек» – чем отчасти напоминают уже обсуждавшийся выше класс импостеров. Однако в отличие от последних, употребляя эти выражения в своей речи, пользователи японского языка не ассоциируют с ними те понятия, которые обычно выражают эти термины в буквальном значении, а используют их исключительно для указания на самих себя.

Возвращаясь к индоевропейским языкам, можно указать на то, что выразить перспективу первого лица можно и с помощью других местоимений. Классическим примером здесь является использование местоимения первого лица множественного числа «мы» и местоимения второго лица единственного числа «ты»:

(7) «**Мы**, Петр первый, царь и самодержец всероссийский и протчая, и протчая, и протчая. Объявляем сей указ всем подданным нашего государства, какого чину и достоинства оныя ни есть» [8, с. 295].

(8) «И вот **ты** стоишь и думаешь, а что здесь вообще происходит».

Если в первом из вышеприведённых высказываний использование «мы» для указания на самого себя является достаточно известным приёмом (так называемое «царское» я [4, с. 156]), то второй пример нуждается в небольшом пояснении. Контекстом произнесения (8) может выступать такая ситуация, в которой говорящий рассказывает историю о произошедших с ним событиях, и в целях описания себя с позиции условного наблюдателя – например, своего актуального собеседника – выбирает в качестве референциального способа местоимения «ты». Иными словами, такой способ выражения перспективы

первого лица позволяет говорящему отчасти занять в рамках коммуникативной ситуации перспективу третьего лица по отношению к себе, то есть как бы «прочитывать» высказывание о самом себе, сделанное кем-то другим [1, р. 495–496]. Стоит отметить, что и в (7), и (8) глаголы согласуются с употребляемыми местоимениями согласно соответствующим грамматическим правилам, не подвергаясь трансформации в форму первого лица.

Наконец, следует упомянуть класс языков, в которых допускается опущение личных местоимений, выполняющих в предложении функцию подлежащего (так называемые *pro-drop languages*). Например, в испанском языке, который традиционно относят к этому классу¹², использование местоимения первого лица единственного числа не является грамматически обязательным, поскольку форма правильного глагола первого лица единственного числа – а именно личное окончание глагола «*o*» в настоящем времени – однозначным образом «передает» информацию о том, кто именно совершает действие или находится в каком-либо состоянии: в стандартной коммуникативной ситуации «*vivo en Ekaterimburgo*» («живу в Екатеринбурге») является более приемлемым вариантом, чем «*yo vivo en Ekaterimburgo*» («я живу в Екатеринбурге»), хотя и нельзя сказать, что последнее грамматически некорректно¹³. Однако очевидная для пользователей испанского языка избыточность употребления местоимения «я» в высказываниях подобного рода не ведёт к утверждению о том, что говорящие на этом языке в принципе не способны выражать перспективу первого лица. Единственный вывод, который можно сделать из анализа языков, в которых наличествует феномен *pro-drop*, это

¹² Зачастую в литературе в качестве других примеров языков указанного класса приводят итальянский, венгерский, турецкий и японский языки. Вопрос о том, входит ли в этот класс русский язык, является дискуссионным: с одной стороны, вполне допустимыми являются высказывания типа «завтра еду в Москву» вместо «завтра я еду в Москву» [2], что позволяет включить русский язык в число языков, демонстрирующих феномен *pro-drop*, с другой стороны, в отличие от вышеупомянутых «классических» примеров языков, частотность «выпадения» местоимений в русском языке гораздо ниже и зависит от контекста [28].

¹³ Оправданным употребление личного местоимения в таких высказываниях будет в том случае, когда говорящий желает сделать акцент, подчеркнуть, что речь идёт именно о нём. Другими словами, местоимение «я» в подобных случаях будет выполнять исключительно эмфатическую роль.

вывод о том, что в разных языках существуют разные грамматические средства для выражения перспективы первого лица¹⁴.

После ознакомления с представленным выше обзором может возникнуть закономерный вопрос: если естественные языки позволяют разнообразным способом выражать перспективу первого лица, то чем обусловлен выбор того или иного способа выражения? По всей видимости, ответ на этот вопрос кроется в зависимости способов выражения перспективы первого лица от контекста их употребления в коммуникативных ситуациях. В духе дефолтной семантики К. Яшчоульц я полагаю, что значение языкового выражения тесно связано с коммуникативной стратегией говорящего. Иными словами, многообразие коммуникативных контекстов, в которых говорящему по тем или иным причинам требуется выразить перспективу первого лица, приводит к возникновению многообразия способов её выражения: «Использование “я”, “безличного *one*”, “простак”, произвольной PRO-конструкции, а также не лексических ситуационных стратегий для выражения самости может быть желательным в одном контексте и нежелательным в другом не потому, что они выражают различные аспекты или типы *de se tout court*, а потому что того требует успешность речевого акта. Совершая *de se* высказывание, говорящий использует различные лексические и контекстуальные стратегии для того, чтобы представить определённую перспективу, с которой он воспринимает себя. Точнее, говорящий выводит на первый план ту роль, которую он играет на текущем этапе языковой игры, тем самым

¹⁴ Я не стала включать в обзор феномен эгоцентриков – различных языковых выражений, использование которых имплицитно указывает на то, что высказывание передаёт перспективу говорящего, однако на уровне синтаксиса это никак не отражено, исключительно потому, что, как отмечает и сама Е.А. Падучева, «я» выражает говорящего эксплицитным образом в отличие от имплицитного у, скажем так, «чистых» эгоцентрических единиц [7]. Тем не менее при определённой трактовке наличие в естественных языках выражений с эгоцентрической валентностью тоже может рассматриваться в качестве подтверждения того, что перспектива первого лица не с необходимостью связана с местоимением «я»: так, по мнению Е.А. Падучевой, использование говорящим вводного слова «едва ли» в высказывании «Иван едва ли придёт» позволяет ему выразить своё сомнение в том, что упомянутый Иван действительно придёт, а использование говорящим сослагательного наклонения в высказывании «была бы сейчас весна» выражает его желание того, чтобы сейчас была весна [6].

помогая аудитории распознать тип и первичную цель его речевого акта» [22, р. 191].

К. Яшчоульт (в соавторстве с М. Витеком) даёт пример развёрнутого объяснения разницы между двумя высказываниями с кореференциальными выражениями – «пожалуйста, перестань работать и поговори со своей женой» и «пожалуйста, перестань работать и поговори со мной» – которые может произнести Анна, пытаясь обсудить с Джоном школьные проблемы их дочери [22, р. 202–203]. Во втором высказывании Анна указывает на себя стандартным образом, используя местоимение «я» (точнее, его форму в косвенном падеже «мной»), а в первом заменяет его на кореференциальное нарицательное имя «жена». Эту замену К. Яшчоульт предлагает объяснять стремлением Анны представить себя в этой коммуникативной ситуации с позиции не просто говорящего, а официальной жены, которая имеет право в силу нормативных отношений ожидать от своего мужа участия в общих семейных делах. Иначе, коммуникативная цель Анны в таком диалоге состоит не столько в том, чтобы просто передать Джону своё желание или требование о разговоре с ней, сколько в том, чтобы «напомнить» ему об этих самых нормативных отношениях между ними, которые и наделяют её правом требовать что-либо от него. Таким образом, выбор Анной способа передачи перспективы первого лица зависит от её коммуникативной цели в конкретной коммуникативной ситуации, и поэтому разнообразие способов передачи перспективы первого лица напрямую зависит от разнообразия коммуникативных ситуаций: именно контекст высказывания определяет то, какое языковое выражение говорящий будет использовать для референции к самому себе.

Заключение

Основная задача настоящей статьи состояла в том, чтобы опровергнуть устоявшееся в аналитической философии представление о том, что местоимение первого лица единственного числа «я» является уникальным способом выражения перспективы первого лица, что даёт основания говорить о некоторой фундаментальной метафизической связи между понятием самости (эго или «Я») и языковым выражением «я». Приведённое мной возражение указанному представлению основывалось на том, что оно имеет какой-либо смысл,

только при соблюдении двух условий: 1) местоимение «я» может использоваться только для выражения перспективы первого лица; 2) выразить перспективу первого лица можно только с помощью местоимения «я». Результаты кросс-лингвистических исследований, краткий обзор которых был дан в статье, не подтверждают истинность сформулированных условий, в связи с чем представление о связи между местоимением «я» и философской идеей самости вряд ли можно считать обоснованным.

Дополнительно была предпринята попытка ответить на вытекающий из проведённого обзора вопрос о том, от чего зависит выбор говорящим конкретного языкового способа выражения перспективы первого лица. Предлагаемый мной ответ на этот вопрос заключается в том, что способы выражения перспективы первого лица в естественном языке зависят от той «цели», которую преследует говорящий в коммуникации. Как было показано в статье, в естественных языках имеется множество вариантов того, как осуществлять референцию к самому себе, и использование говорящим конкретного варианта во многом обусловлено тем, в какой коммуникативной ситуации он находится. Эта ситуативная обусловленность позволяет признать наличие контекстной зависимости способов выражения перспективы первого лица, которую можно конкретизировать через понятие коммуникативной цели.

Этот вывод вполне соответствует по своему духу так называемому коммуникативному повороту в семантике естественного языка, произошедшем в последние несколько десятилетий [19]. Суть этого поворота состоит в отходе от рассмотрения условие-истинностного аспекта значения (meaning) выражений естественного языка как единственного возможного объекта изучения семантики и обращении внимания на остававшиеся долгое время в тени другие аспекты значения, которые могут быть, в общем и целом, сведены к той роли, которую выражение играет в коммуникативном контексте (conversational context)¹⁵. Те языковые способы выражения перспективы первого лица, которых были рассмотрены ранее, объединяются в еди-

¹⁵ Схожее представление можно встретить в рамках программы ситуационной семантики, предложенной Дж. Перри и Дж. Барвайсом. По крайней мере, близкую идею коммуникативного поворота интерпретацию их программы предлагает А.Ю. Моисеева [5].

ную семантическую группу именно на основании своей коммуникативной роли в определённых контекстах – то есть служить средством референции к самому себе – вследствие чего можно говорить о том, что их значения, по крайней мере в одном из аспектов, совпадают¹⁶.

Литература

1. Золян С. О «переносном» употреблении местоимения «я» (на материале русского языка) // Chuzhdoezikovo Obuchenie – Foreign Language Teaching. 2024. Vol. 51, № 4. Р. 491–498.
2. Касевич В.Б. Эллипсис и *pro-drop* // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10, № 3. С. 315–323.
3. Куслий П.С. Субъект и время в проблематике современной философии языка // Философия науки и техники. 2022. Т. 27, № 1. С. 130–148.
4. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969.
5. Мусеева А.Ю. Контекстные роли в ситуационной семантике Дж. Барвайса и Дж. Перри. Путь к значению через эпистемологию и прагматику // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 49–63.
6. Падучева Е.А. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
7. Падучева Е.А. Эгоцентрические языковые единицы [Электронный ресурс] // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). URL: http://rusgram.ru/Эгоцентрические_языковые_единицы#вторичные-и-52 (дата обращения: 18.11.2024).
8. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986.
9. Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Г. Фреге Логика и логическая семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова, под. ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 326–342.

¹⁶ Безусловно, сторонники «чистой семантики», чьё внимание сосредоточено именно на условии-истинностном аспекте значений выражений, могут возразить, что весь коммуникативный поворот в семантике просто сводится к её «загрязнению» прагматикой. Однако такое возражение, по сути, возвращает нас обратно к проблеме разграничения семантических и прагматических аспектов значения выражений – проблеме, от которой те, кто фактически «стоит» за этим коммуникативным поворотом, и стремились избавиться. На мой взгляд, такой шаг назад может быть оправдан только в том случае, если будет показана очевидная несостоятельность результатов исследований, проводимых в рамках коммуникативной парадигмы, что с учётом появления новых формальных подходов к моделированию значения видится мне крайне маловероятным.

10. Boër S., Lycan W. Who, Me? // *The Philosophical Review*. 1980. Vol. 89, № 3. P. 427–466.
11. Brown L. Contrasts between Japanese and Korean Honorifics // *Rivista degli Studi Orientali*. 2008. Vol. 81. P. 369–385.
12. Campbell J. What Is It to Know What «I» Refers to? // *The Monist*. 2004. Vol. 87, № 2. P. 206–218.
13. Cappelen H., Dever J. *The Inessential Indexical: On the Philosophical Insignificance of Perspective and the First Person*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
14. Castaneda H.-N. «He»: A Study on the Logic of Self-consciousness // *Ratio*. 1966. Vol. 8. P. 130–157.
15. Collins C., Postal P.M. *Imposters. A Study of Pronominal Agreement*. Cambridge, MA: MIT, 2012.
16. Corazza E., Dokic J. On the Cognitive Significance of Indexicals // *Philosophical Studies*. 1992. Vol. 66, № 2. P. 183–196.
17. Davis W.A. Indexicals and *De Se* Attitudes // *Attitudes De Se: Linguistics, Epistemology, Metaphysics* / Ed. by N. Feit, A. Capone. Stanford, CA: CSLI, 2013.
18. Dummett M. *Frege: Philosophy of Language*. London: Duckworth, 1973.
19. Harris D.W. The History and Pre-History of Natural Language Semantics // *Innovations in the History of Analytical Philosophy* / Ed. by S. Lapointe, C. Pincock. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 149–194.
20. Hinzen W., Schroeder K. Is “the First Person” a Linguistic Concept Essentially? // *Journal of Consciousness Studies*. 2015. Vol. 22, № 11–12. P. 149–179.
21. Jaszczolt K. *Meaning in Linguistic Interaction: Semantics, Metasemantics, Philosophy of Language*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
22. Jaszczolt K., Witek M. Expressing the Self: From Types of *De Se* to Speech-act Types // *Expressing the Self: Cultural Diversity and Cognitive Universals* / Ed. by M. Huang, K.M. Jaszczolt. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 187–221.
23. Kaplan D. *Demonstratives* // *Themes from Kaplan* / Ed. by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
24. Magidor O. The Myth of Indexicals // *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29. P. 249–283.
25. Moltmann F. Generalized Detached Self-Reference and the Semantics of Generic *One* // *Mind & Language*. 2010. Vol. 25, № 4. P. 440–473.
26. Moltmann F. Generic *One*, Arbitrary *PRO*, and the First Person // *Natural Language Semantics*. 2006. Vol. 14. P. 257–281.
27. Moltmann F. *Natural Language Ontology* // *The Routledge Handbook of Metametaphysics* / Ed. by R. Bliss, J.T.M. Miller. Abington, New York: Routledge, 2021. P. 325–338.
28. Pekelis O.E. Expletives, Referential Pronouns and Pro-drop: The Russian Extraposition Pronoun *Èto* in Light of the English *It* and the German *Es* // *Lingua*. 2018. Vol. 203. P. 66–101.
29. Perry J. *Myself and I* // *Philosophie in Synthetischer Absicht (A festschrift for Dieter Heinrich)*; ed. by M. Stamm. Stuttgart: Klett-Cotta, 1998. P. 83–103. URL: <http://john.jperry.net/cv/1998c.pdf> (дата обращения: 18.11.2024).
30. Perry J. The Problem of the Essential Indexical // *Noûs*. 1979. Vol. 13. P. 3–21.

31. *Shaw J.R.* De Se Exceptionalism and Frege Puzzles // *Ergo: An Open Access Journal of Philosophy*. 2019. Vol. 6. P. 1057–1086.
32. *Shibatani M.* Honorifics // *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Second Edition. Vol. 5 / Ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier, 2006. P. 381–390.
33. *Thiel U.* The Early Modern Subject. Self-consciousness and Personal Identity from Descartes to Hume. Oxford: Oxford University Press, 2011.
34. *Wechsler S.* What “You” and “I” Mean to Each Other: Person Indexicals, Self-Ascription, and Theory of Mind // *Language*. 2010. Vol. 86, № 2. P. 332–365.
35. *Wettstein H.* The Magic Prism: An Essay in the Philosophy of Language. Oxford: Oxford University Press, 2004.
36. *Whales K.* Personal Pronouns in Present Day English. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
37. *Zobel S.* Impersonally Interpreted Personal Pronouns. Doctoral Dissertation, University of Göttingen, 2014.
38. *Zobel S.* The Impersonal Use of German 1st Person Singular Ich // *Linguistic Inquiry*. 2023. Vol. 54, № 2. P. 378–394.

References

1. *Zolyan, S.O.* (2024). О “perenosnom” upotreblenii mestoimeniya “ya” (na materiale russkogo yazyka) [On the “figurative” use of the pronoun I (based on the material of the Russian language)]. In: *Chuzhdoezikovo Obuchenie* [Foreign Language Teaching], 51 (4), 491–498. (In Russ).
2. *Kasevich, V.B.* (2014). Ellipsis i pro-drop [Ellipsis and pro-drop]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies], 10 (3), 315–323. (In Russ).
3. *Kusliy, P.S.* (2022). Sub'yekt i vremya v problematike sovremennoy filosofii yazyka [Subject and time in the issues of contemporary philosophy of language]. In: *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. 27 (1), 130–148. (In Russ).
4. *Maytinskaya, K.E.* (1969). Mestoimeniya v yazykakh raznykh sistem [Pronouns in languages of different systems]. Moskva, Nauka.
5. *Moiseeva, A.Yu.* (2023). Kontekstnye roli v situatsionnoy semantike Dzh. Barvaiza i Dzh. Perry [Contextual roles in J. Barwise and J. Perry’s situation semantics]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 75, 49–63. (In Russ).
6. *Paduchyeva, E.A.* (2011). Egotsentricheskie valentnosti i dekonstruktsiya govoryashchego [Egocentric valencies and the deconstruction of the speaker]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 3, 3–18. (In Russ).
7. *Paduchyeva, E.A.* Egotsentricheskie yazykovye edinitsey [Egocentric linguistic elements] [Electronic resource]. In: *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [Materials for the project of corpus description of Russian grammar].

URL: http://rusgram.ru/Эгоцентрические_языковые_единицы#вторичные-и-52 (data of access: 18.11.2024).

8. *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolutizma* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes. Volume 4. Legislation of the period of the establishment of absolutism]. Moskva, Yuridicheskaya literatura. 1986. (In Russ.).

9. Frege, G. (2000). Mysl'. Logicheskoye issledovaniye [The thought. A logical inquiry]. In: Frege, G. Logika i logicheskaya semantika [Logic and Logical Semantics]. Moskva, Aspekt Press, 326–342. (In Russ.).

10. Boër, S., Lycan, W. (1980). Who, Me? The Philosophical Review, 89 (3), 427–466.

11. Brown, L. (2008). Contrasts between Japanese and Korean Honorifics. Rivista degli Studi Orientali, 81, 369–385.

12. Campbell, J. (2004). What Is It to Know What «I» Refers to? The Monist, 87 (2), 206–218.

13. Cappelen, H., Dever, J. (2013). The Inessential Indexical. On the Philosophical Insignificance of Perspective and the First Person. Oxford, Oxford University Press.

14. Castaneda, H.-N. (1966). “He”: A Study on the Logic of Self-consciousness. Ratio, 8, 130–157.

15. Collins, C., Postal, P.M. (2012). Imposters. A Study of Pronominal Agreement. Cambridge, MA, MIT.

16. Corazza, E., Dokic, J. (1992). On the Cognitive Significance of Indexicals. Philosophical Studies, 66 (2), 183–196.

17. Davis, W.A. (2013). Indexicals and *De Se* Attitudes. In: Feit, N., Capone, A. (Eds.). Attitudes *De Se*: Linguistics, Epistemology, Metaphysics. Stanford, CA, CSLI, 2013, 29–58.

18. Dummett, M. (1973). Frege: Philosophy of Language. London, Duckworth.

19. Harris, D.W. (2017). The History and Pre-History of Natural Language Semantics. In: Lapointe, S., Pincock, C. (Eds.). Innovations in the History of Analytical Philosophy. London, Palgrave Macmillan, 149–194.

20. Hinzen, W., Schroeder, K. (2015). Is “the First Person” a Linguistic Concept Essentially? Journal of Consciousness Studies, 22 (11–12), 149–179.

21. Jaszczolt, K. (2016). Meaning in Linguistic Interaction: Semantics, Metasemantics, Philosophy of Language. Oxford, Oxford University Press.

22. Jaszczolt, K., Witek, M. (2018). Expressing the Self: From Types of *De Se* to Speech-act Types. In: Huang, M., Jaszczolt, K. M. (Eds.). Expressing the Self: Cultural Diversity and Cognitive Universals. Oxford, Oxford University Press, 187–221.

23. Kaplan, D. (1989). Demonstratives. In: Almog, J., J., Perry & H., Wettstein (Eds.). Themes from Kaplan. Oxford, Oxford University Press, 481–563.

24. Magidor, O. (2015). The Myth of Indexicals. Philosophical Perspectives, 29, 249–283.

25. Moltmann, F. (2010). Generalized Detached Self-Reference and the Semantics of Generic *One*. Mind & Language, 25 (4), 440–473.

26. Moltmann, F. (2006). Generic *One*, Arbitrary *PRO*, and the First Person. Natural Language Semantics, 14, 257–281.

27. Moltmann, F. (2021). Natural Language Ontology. In: Bliss, R., Miller, J.T.M. (Eds.). *The Routledge Handbook of Metametaphysics*. Abington, New York, Routledge, 325–338.
28. Pekelis, O.E. (2018). Expletives, Referential Pronouns and Pro-drop: The Russian Extraposition Pronoun *Éto* in Light of the English *It* and the German *Es*. *Lingua*, 203, 66–101.
29. Perry, J. (1998). Myself and I. In: Stamm, M. (Ed.). *Philosophie in Synthetischer Absicht* (A festschrift for Dieter Heinrich). Stuttgart, Klett-Cotta, 83–103. URL: <http://john.jperry.net/cv/1998c.pdf> (access date: 18.11.2024).
30. Perry, J. (1979). The Problem of the Essential Indexical. *Noûs*, 13, 3–21.
31. Shaw, J.R. (2019). *De Se* Exceptionalism and Frege Puzzles. *Ergo: An Open Access Journal of Philosophy*, 6, 1057–1086.
32. Shibatani, M. (2006). Honorifics. In: Brown, K. (Ed.). *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Second Edition. Vol. 5. Oxford, Elsevier, 381–390.
33. Thiel, U. (2011). The Early Modern Subject. Self-consciousness and Personal Identity from Descartes to Hume. Oxford, Oxford University Press.
34. Wechsler, S. (2010). What “You” and “I” Mean to Each Other: Person Indexicals, Self-Ascription, and Theory of Mind. *Language*, 86 (2), 332–365.
35. Wettstein, H. (2004). *The Magic Prism: An Essay in the Philosophy of Language*. Oxford, Oxford University Press.
36. Whales, K. (1996). *Personal Pronouns in Present Day English*. Cambridge, Cambridge University Press.
37. Zobel, S. (2014). *Impersonally Interpreted Personal Pronouns*. Doctoral Dissertation, University of Göttingen.
38. Zobel, S. (2023). The Impersonal Use of German 1st Person Singular Ich. *Linguistic Inquiry*, 54 (2), 378–394.

Информация об авторе

Козырева Ольга Александровна – Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет (620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51).

olga.kozyreva@urfu.ru

Information about the author

Kozyreva, Olga Aleksandrovna – Ural Federal University (620000, 51, Lenin Ave., Ekaterinburg, Russia).

olga.kozyreva@urfu.ru

Дата поступления 08.08.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.